

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)52

МИФ О БЕЛОВОДЬЕ, ОПОНЫСКОЕ ЦАРСТВО СТАРОВЕРОВ-БЕГУНОВ И ЗАГАДКА ВТОРОГО ТОМА ГОГОЛЯ

© 2018 г. Е.Е. Дмитриева

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 28 ноября 2017 г.

Дата публикации: 25 сентября 2018 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-116-143

Аннотация: В статье анализируется внутренняя связь, что существует между намерением Гоголя перенести продолжение действия своей поэмы в Сибирь и намечающейся во втором томе темой раскольников. Тема эта у Гоголя появляется не случайно: именно в 1840-е гг. в отношении государства к старообрядцам начинаются репрессии, а их деятельность становится объектом расследования различных комиссий. В одной из таких комиссий состоял Иван Аксаков, особо заинтересовавшийся в ходе работы комиссии сектой странников, или бегунов. В мирозерцании этого крайне левого ответвления старообрядчества, с которым связывается легенда о Беловодье, была одна особенность, которая дает возможность по-иному взглянуть на сам инцидент с покупкой «мертвых душ». Странники объявляли воплощением Антихриста не столько царя и никонианскую церковь, сколько первые всеобщие ревизии податных душ. Здесь замысел гоголевской поэмы и доктрина бегунов неожиданно смыкаются. Не случайно в первом томе поэмы Чичиков, скупающий «мертвые души», объявлен перепуганным обществом Антихристом. Но одновременно тема бегунов, бежавших в Сибирь в поисках своего рая на земле, «поддерживает» и известный нам по мемуарной литературе гоголевский план духовного преображения героев в продолжении поэмы.

Ключевые слова: Гоголь, «Мертвые души», второй том, староверы-бегуны, Сибирь, легенда о Беловодье.

Информация об авторе: Екатерина Евгеньевна Дмитриева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; профессор кафедры сравнительной истории литератур, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 г. Москва, Россия.

E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

Для цитирования: Дмитриева Е.Е. Миф о Беловодье, Опоньское царство староверов-бегунов и загадка второго тома Гоголя // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 3. С. 116–143. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-116-143

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

THE MYTH OF BELOVODIE, OPONSKOE [JAPAN] KINGDOM OF THE OLD BELIEVERS, AND THE MYSTERY OF THE SECOND VOLUME OF GOGOL'S *DEAD SOULS*

© 2018. E.E. Dmitrieva

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia*

Received: November 28, 2017

Date of publication: September 25, 2018

Abstract: There is a hypothesis that Gogol was planning to move the setting of the second volume of *Dead Souls* to Siberia. The paper offers one more explanation of this design. Gogol seems to have left a clue in the last of the surviving chapters of the second volume where he outlines the theme of the Schismatics (Old Believers). This theme is not casual: it was in the 1840s, when the state-afflicted repressions of the Old Believers began, and the activities of the latter became the object of investigation by various commissions. A member of one of these commissions was Ivan Aksakov who became particularly interested in one of the schismatics sects, namely the sect of wanderers or runners. The ideology of this extremely left branch of the Old Believers linked to the legend of Land of White Waters enables us to reconsider the purchase of the dead souls plot. The runners believed that not only the Nikonian church incarnated Antichrist; they considered the audit of rustic population as demonic practice. Here we come to the point where the idea of Gogol's poem and the doctrine of the runners overlap. Let us recall that already in the first volume of the poem, Chichikov, the buyer of the dead souls, is called Antichrist. At the same time, the theme of the runners who fled to Siberia in search of their Belovodie, a kind of peasant paradise on earth, "supports" Gogol's plan for spiritual enlightenment and transformation of his characters in the second volume of *Dead Souls*.

Keywords: Gogol, *Dead Souls*, second volume, Old Believers, Siberia, the legend of Belovodie.

Information about the author: Ekaterina E. Dmitrieva, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Professor, Russian State University for the Humanities, Miusskaya 6, 125993 Moscow, Russia.

E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

For citation: Dmitrieva E.E. The Myth of Belovodie, Oponskoe [Japan] Kingdom of the Old Believers, and the Mystery of the Second Volume of Gogol's *Dead Souls*. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 3, pp. 116–143. (In Russ.)
DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-116-143

В русской литературе есть роман, один из самых таинственных, ускользающий от какого-либо более-менее внятного толкования (сколько интерпретаций его было предложено, причем каждая из них словно полностью опровергала все другие!). Роман, который и романом не назывался, но — поэмой. Имя ему, как легко можно догадаться, «Мертвые души».

Впрочем, надо признаться, что загадочность «Мертвых душ» есть не только следствие их поэтики, порождающей и сложнейшую герменевтику, но также и генезиса того текста, над которым Гоголь работал последние десять лет своей жизни, который три раза сжигал и который в результате так и остался незавершенным.

Прозаик, в котором возобладал талант драматурга

Позволю себе кратко напомнить эту историю. Первый том поэмы «Мертвые души», фабульно построенный на истории скупки предприимчивым героем Павлом Ивановичем Чичиковым умерших крестьянских душ, которые числились еще живыми в ревизских листах, был завершен и сразу же напечатан в 1842 г., став одним из наиболее значительных и обсуждаемых явлений литературной жизни того времени. При этом, еще даже не закончив первый том, Гоголь замышляет его продолжение — второй том, а возможно, даже и третий, в которых, как он обещает, «явятся чудные образы и все повергнется в прах» [12, с. 163].

Работа на самом деле шла сложно. Опуская многие детали, упомяну только, что, по некоторым версиям, уже в 1843 г. Гоголь первый раз сжигает написанные им главы второго тома. Второй раз он сжигает их в 1845 г. Виня в неудаче не только себя, но и потенциального читателя, он в это время

считает необходимым подготовить его к восприятию своей поэмы *другим* произведением — публицистически-дидактического характера, а именно выдержками из писем к друзьям, которым он придает видимость книги и которые публикует в 1847 г. соответственно под названием «Выбранные места из переписки с друзьями». Книга эта встретила резкую критику не только недругов, но и прежде всего друзей Гоголя, причем друзей, принадлежавших как к лагерю западников, так и славянофилов (уже в XX в. Дмитрий Чижевский увидит в «Выбранных местах...» русский аналог «Патриотических фантазий» (1765–1775) Юстуса Мезера [36, с. 755], ср.: [46]). Виссарион Белинский, с энтузиазмом приветствовавший более ранние произведения Гоголя, в том числе и первый том «Мертвых душ», и один из первых заговоривший о гоголевском периоде в истории русской литературы [5, т. 6, с. 259], написал Гоголю гневное письмо-отповедь, назвав «Выбранные места» ханжеством и мракобесием (знаменитое «зальцбрунское письмо» Белинского 1847 г.). Потрясенный неприятием и непониманием книги, на которую он возлагал такие надежды, Гоголь вновь возвращается к работе над продолжением поэмы «Мертвые души», на этот раз настаивая уже на том, что *живое изображение скажет читателю заведомо больше, чем абстрактное слово* [21, с. 193]. Так, в третий раз он приступает к работе над вторым томом в 1847–1848 гг. и к концу 1851 г. работу над ним завершает. Во всяком случае так он говорит об этом сам, обсуждает план печатания второго тома с друзьями, хотя рукопись в полном объеме никому не показывает. Максимальное же количество глав, которые в его чтении слушали некоторые его друзья, доходит до семи (публичные чтения глав второго тома Гоголь устраивал начиная с 1849 г.).

Свою работу Гоголь вообще любил окутывать тайной. Но, пожалуй, ничто не сравнится с той таинственностью, которой была окружена работа над вторым томом «Мертвых душ». Обычно говорят, что современники несколько раз неправильно понимали Гоголя и принимали желаемое за действительное. Когда, например, Гоголь попросил своего друга и издателя Степана Шевырева (сам он в это время находился в Ницце) купить своим друзьям томик «Подражания Иисусу Христу...» Фомы Кемпийского в подарок от него на новый 1844 г., а некоторые друзья, в частности С.Т. Аксаков, были убеждены, что получают рукопись второго тома [3, с. 128]. Или же когда матушка Гоголя приняла посланную Гоголем посылку с огородными семе-

нами для сестер за только что вышедшую книгу «Мертвых душ», повторив тем самым историю с невольной мистификацией С.Т. Аксакова. Однако, по всей видимости, подобные мистификации входили в замысел того, кто умел быть великим драматургом не только в своих пьесах, но также и в жизни, талантливо режиссируя также и свой обман.

Развязка же драмы под названием «второй том ‘Мертвых душ’» наступила в 1852 г., когда Гоголь велел своему дворовому мальчику затопить камин и сжег рукопись поэмы, выход которой вся образованная публика России ожидала с великим нетерпением. Случилось это в ночь с 11 на 12 февраля. А 4 марта, т. е. менее чем месяц спустя, Гоголь умирает.

Как то и полагалось, комнату в доме графа А.П. Толстого, в которой последние месяцы своей жизни проживал Гоголь, после его смерти опечатавают, найдя в ней лишь немного «личных вещей покойного» и никаких бумаг [19, т. 1, с. 362]. Ничего сколь-либо значительного не было обнаружено и по ее вскрытии, 30 апреля 1852 г. [19, с. 366–369]. И лишь через несколько дней после того, как комната была распечатана, пронесся слух, что в ней был все же найден портфель с уцелевшими рукописями Гоголя, в частности, «Авторской исповедью» и вторым томом «Мертвых душ» [28, с. 486], ср. [4, с. 161]. По другой версии, «Мертвых душ» в портфеле не было, но зато они были найденными завалившимися за книжный шкаф [22, с. 291–292; см. также: 13, т. 2, с. 936]. Правда, это была рукопись незаконченного (или почти законченного) второго тома поэмы, некая ее промежуточная редакция. Именно эту редакцию, опубликованную три года спустя, т. е. в 1855 г. стараниями С.П. Шевырева и племянника Гоголя Николая Трушковского мы и читаем и знаем как второй том поэмы «Мертвые души».

Тайны второго тома «Мертвых душ»

Но что, в сущности, мы знаем о втором томе? Вопрос, при всей его очевидности, не из легких, поскольку даже самое главное знание о нем — о факте его сожжения — остается и по сей день загадкой, провоцирующей на разного рода домыслы: была ли то действительно рукопись продолжения поэмы, что погибла в огне в 1852 г.? Или же, возможно, рукопись осталась спрятанной и тогда есть смысл ее искать [34, с. 137–138; 35, с. 139; 41, с. 455–458]. Или же, наоборот: Гоголь, вопреки собственным утверждениям, второй том отнюдь не закончил и сжигал не столько рукопись, сколько соб-

ственную фантазию. А ведь свидетелей сожжения было только двое: сам Гоголь и его дворовый мальчик, который быстро преисполнился сознанием важности своей персоны и со временем давал все более противоречивые показания [6, с. 166–186; 23, с. 42–47].

Далеко не все ясно и с найденными пятью главами второго тома, которые, как уже было сказано, представляют собой более раннюю редакцию, чем та, которая была сожжена. Точнее сказать, они представляют собой сразу две более ранние редакции, поскольку сохранившийся текст с очевидностью поддается расслоению: нижний слой рукописи представляет собой перебеленный (переписанный набело) текст, который уже затем (и скорее всего по прошествии некоторого времени) Гоголь правит. И правка эта образует более позднюю в сравнении с нижним слоем редакцию. Именно этот верхний слой переписал в 1852 г. Шевырев, и его транскрипция появилась в издании 1855 г. с пометой «Редакция в исправленном виде» [16, с. 103]. Однако уже начиная со следующего издания, подготовленного соплеменником Гоголя Пантелеймоном Кулишом [15, т. 4], издаваться второй том «Мертвых душ» стал в двух редакциях: по верхнему слою («в исправленном виде») и по нижнему («в первоначальном виде»). И традиция эта сохраняется по сей день.

При этом из материалов, относящихся ко второму тому поэмы, мы, помимо сохранившегося собственно гоголевского текста, имеем: 1) воспоминания тех, кто слышал чтение Гоголем написанных им глав, дающие возможность реконструировать утраченное содержание второго тома¹; 2) косвенные сведения о высказываниях самого Гоголя о возможном продолжении поэмы (например, свидетельство А.М. Бухарева, восходящее к их разговору с Гоголем по поводу продолжения «Мертвых душ» [7]); 3) а также предложения, исходившие от лиц, с которыми Гоголь беседовал и которые как-то могли повлиять на дальнейшее развитие замысла (например, о Матфея Константиновского [26]).

Сохранившиеся отзывы современников, присутствовавших на чтении Гоголем глав поэмы, показывают, что действие в ней продвинулось дальше, чем можно судить по опубликованным главам, что появлялись в

¹ Таковы воспоминания Л.И. Арнольди «Мое знакомство с Гоголем» и Д.А. Оболенского «О первом издании посмертных сочинений Гоголя. Воспоминания» [12, с. 472–498, 544–556], а также свидетельства А.О. Смирновой-Россет [32].

нем и новые лица. И ожидало большинство героев «просветление», о котором написанный текст давал пока еще слабое представление. По свидетельству Бухарева, Гоголь «как будто с радостью подтвердил, что <...> первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма» и что «прочие спутники Чичикова» «тоже воскреснут, если захотят», «потом стал говорить, как необходимо далее привести ему своих героев в столкновение с истинно хорошими людьми, и проч. и проч.» [7, с. 138–139].

Еще одно свидетельство, на этот раз непосредственно Гоголя, о том, что помимо Чичикова к «возрождению» Гоголь собирался привести еще одного персонажа первого тома — скопидомца Плюшкина, обнаруживается в письме «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» (1844), обращенном к Н.М. Языкову и вошедшем впоследствии в «Выбранные места из переписки с друзьями». Призывая Языкова выставить читателю «ведьму старость <...>, которая ни крохи чувства не отдает назад и обратно», он писал: «Воззови, в виде лирического сильного воззвания, к прекрасному, но дремлющему человеку <...> О, если б ты мог сказать ему то, что должен сказать мой Плюшкин, если доберусь до третьего тома “Мертвых душ”!» По предположению Алексея Веселовского, поддержанному В.В. Гиппиусом, Плюшкин в продолжении поэмы «должен был превратиться в бессребреника, раздающего имущество нищим» [11, с. 183].

То, что этому просветлению и воскресению суждено было случиться даже и не во втором, а в третьем томе, породило впоследствии весьма устойчивую легенду о том, что Гоголь, задумывая «Мертвые души», собирался создать некий русский аналог «Божественной поэмы» Данте с ее трехчастным делением на «Ад», «Чистилище» и «Рай»². Для нашей же темы особый интерес представляют следующие два момента: свидетельства как самого

2 Легенда о том, что Гоголь в «Мертвых душах» ориентировался на трехчастную структуру именно «Божественной комедии» Данте, получила распространение, скорее всего, с легкой руки П.А. Вяземского, который, однако, использовал эту аналогию как раз в негативном плане: «О попытках его, оставленных нам в недоконченных посмертных главах романа, положительно судить нельзя; но едва ли успел бы он без крутого поворота и последовательно выйти на светлую дорогу и, подобно Данту, довершить свою Divina Comedia Чистилищем и Раем» [10, стб. 1081–1082]. Впоследствии сравнение это уже в положительном смысле подхватили Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А.Н. Веселовский и С.К. Шамбинаго. При том что данная гипотеза уже в 1920-е гг. была опровергнута почти одновременно В.В. Зеньковским [20, с. 230] и В.В. Гиппиусом [11, с. 168], в последующей литературной критике она получила очень широкое распространение.

Гоголя, так и его современников о том, что в продолжении поэмы герои должны *воскреснуть для новой жизни*, а также то, что местом действия этого «воскрешения» должна была стать *Сибирь*.

Почему Сибирь?

О том, что действие уже написанных Гоголем, но сожженных в феврале 1852 г. глав второго тома «Мертвых душ» перемещалось частично в Сибирь, также имеются свидетельства первых слушателей второго тома поэмы (напомню, что действие первого тома поэмы разворачивалось в анонимном городе N, а действие сохранившихся от сожжения глав второго тома — в вымышленном Тьфуславле, имя которого есть уже само по себе оксюморон). Так, С.П. Шевырев, которому Гоголь прочитал в июле 1851 г. семь глав, рассказывал Оболенскому о судьбе, ожидавшей персонажей именно второго тома: «...в то время когда Тентетников, пробужденный от своей апатии влиянием Уленьки, блаженствует, будучи ее женихом, его арестовывают и отправляют в Сибирь; этот арест имеет связь с тем сочинением, которое он готовил о России, и с дружбой с недоучившимся студентом с вредным либеральным направлением... Уленька следует за Тентетниковым в Сибирь, — там они венчаются и проч.» [12, с. 555–556].

Иван Аксаков (по свидетельству Данилевского) высказывал предположение, что в Сибирь (по-видимому, уже в третьем томе поэмы, где, собственно, и должно было произойти преображение и просветление главных героев поэмы) должен был попасть и Чичиков. Предположение это не было голословным, но основывалось на круге чтения Гоголя второй половины 1840-х гг., когда он усиленно начинает работать над вторым томом и в связи с этим изучает книги о Сибири:

Надо думать, что Чичиков, в конце этой части, вероятно, попадет за новые проделки в ссылку в Сибирь, так как Гоголь у нас и у Шевырева взял много книг с атласами и чертежами Сибири. С весны он затевает большое путешествие по России; хочет на многое взглянуть самолично, собственными глазами, назвучаться русскими звуками, русскою речью и затем уже снова выступить на литературной сцене, с своими новыми образами ([12, с. 441], ср.: [42, с. 447–451]).

И действительно, если судить по имеющимся у нас данным: переписке самого Гоголя, его друзей, воспоминаниям современников, — в это время на смену его интересу к средневропейской полосе России, которая и была местом действия его предыдущих произведений, включая первый и частично второй том поэмы, приходит ярко выраженный интерес к сибирскому материалу. Можно предположить, что геополитическое и этнографическое содержание утраченных частей второго тома и планировавшегося Гоголем третьего тома определялось, в частности, содержанием «Путешествия по Сибири в 1733–1743 гг.» И.-Г. Гмелина и «Путешествий по разным провинциям Российского государства...» П.-С. Палласа (1773–1778) — книг, которые Гоголь брал в 1851 г. для чтения у Аксаковых и Шевырева и которые (как, например, первые части «Путешествия» Палласа) он еще ранее конспектировал.

И все же возникает вопрос: почему Сибирь? Край, который Гоголь сам не знал, хотя и собирался туда отправиться. Казалось бы, ответ здесь может быть самый простой: в Сибирь должны попасть гоголевские герои за те или иные преступления. Тентетников — за преступление против государственных устоев (не случайно в его истории многими видится отраженная история петрашевцев). То, что за Тентетниковым едет невеста, ставшая его женой, также вписывается в известную литературную и историко-культурную мифологию, на этот раз декабристскую. За мошенничество попадает в Сибирь и Чичиков, что тоже вполне понятно. Хотя в его случае Сибирь могла иметь еще и дополнительную мотивировку: Сибирь как край открывающихся еще непознанных экономических возможностей могла оказаться весьма перспективным пространством для Чичикова, талантливое экономическое предпринимателя³. Не случайно в последующих, довольно многочисленных попытках «дописать» «Мертвые души» уже в постгоголевские времена на первый план выступала именно это сторона Чичикова — хитроумного дельца, недооцененного в свое время, но пришедшегося «ко двору» в последующие времена. В одной из таких стилизаций 1920-х гг. Чичиков и вовсе выступил как нэпман — деятель эпохи Новой экономической политики, имевшей целью развитие частного предпринимательства⁴.

3 О Сибири и Дальнем Востоке, ставших с начала XIX в. частью государственного проекта по «гомогенизации государства и порождению у подданных чувства общности» см.: [9, с. 245–345].

4 См. пьесу Сигизмунда Волка «Мертвые души, или Похождения Чичикова: Комедия в 3 д. 11 картинах» (ОРИК СПбГТБ, шифр: I Лар).

Однако если принять перечисленные здесь причины для объяснения того, почему Гоголь выбирает именно Сибирь местом продолжения своей поэмы, то открытым остается вопрос: как данные экспликации связаны с намерением Гоголя *духовно* (а вовсе не материально) преобразить своих героев и «воскресить их для истинной прочной жизни». Почему именно Сибирь должна стать местом этого *духовного преобразования*?

Неожиданно возникающая тема раскольников

В дошедшем до нас тексте второй части, а именно в последней по счету главе, которую традиционно не совсем точно именуют заключительной, обращает на себя внимание эпизод, который долгое время интерпретировался скорее как гоголевский алогизм. Благородный откупщик Муразов, которому в этой же главе отведена роль спасителя Чичикова, пытается духовно спасти еще одного, казалось бы, периферийного, но весьма примечательного персонажа, Хлобуева (в поэме он впервые появляется в четвертой главе). В структуре сохранившихся глав второго тома персонаж этот занимает весьма загадочное место, будучи обрисован Гоголем как живущий не по средствам помещик-бездельник, способный за один вечер спустить огромные деньги и обрекающий тем самым свое семейство на существование в долг, но на которого постоянно «падает» откуда-то очередная сумма денег, позволяющая ему и далее существовать безбедно. И тем не менее он, как и Чичиков, оказывается тем, на кого возлагает надежду единственный абсолютно положительный герой второго тома откупщик Муразов. Именно ему, одному из самых легкомысленных гоголевских героев, благородный миллионер предлагает неожиданно покаяться, отправившись по России собирать пожертвования на церковь.

Возможный маршрут Хлобуева в сохранившихся главах не прочерчен, однако в разговоре с ним Муразова появляется одна реалья, которая все же позволяет предположить, куда мог отправиться Хлобуев. Предлагая ему «две службы» разом — сослужить «одну службу Богу, а другую мне», — Муразов призывает его тем самым, с одной стороны, собирать деньги на храм (служба Богу), а с другой — осведомляться о тех волнениях, которые происходят в крестьянской среде, и прежде всего в среде раскольников:

— Призадумались? — сказал Муразов. — Вы здесь две службы сослужите. Одну службу Богу, а другую мне.

— Какую же вам?

— А вот какую. Так как вы отправитесь по тем местам, где я еще не был, так вы узнаете-с на месте все, как там живут мужички. Где побога<че,> где терпят нужду, и в каком состояньи все. <...> Раскольники там и всякие-с бродяги смущают их. Восстанавлиют против властей и порядков... [14, т. 7, с. 354].

На самом же деле тема раскольников у Гоголя появляется вовсе не случайно. Собственно, раскольниками Гоголь начинает интересоваться уже с начала 1840-х гг. Н.М. Языкова он просит в письме от 23 сентября (5 октября) 1843 г. из Дюссельдорфа прислать ему труд Дмитрия Ростовского «Розыск о раскольнической брынской вере». Записи о раскольниках мы находим в записной книжке Гоголя 1841–1844 гг., и они свидетельствуют о гораздо более толерантном отношении к ним самого Гоголя по сравнению с тем, какое он приписал Муразову. Но в особенности интерес его к раскольникам усиливается в 1846 г., о чем свидетельствуют вопросы о раскольниках, которые Гоголь задавал Смирновой в письмах к ней от 27 января 1846 г. и 20 февраля (4 марта) 1846 г.

Что заставило Гоголя именно во второй половине 1840-х гг. обратиться к теме раскольников? И как эта тема стала тем ключом, который проливает свет на замысел Гоголя перенести действие своей поэмы в Сибирь? На это были свои предпосылки, как сугубо биографические, так и социокультурные.

Вспомним, что именно в 1840-е гг. в отношении государства к старообрядцам наступает резкий перелом: после почти столетия довольно терпимого к ним отношения начинаются репрессии, а их деятельность становится объектом расследования различных комиссий. В одной из таких комиссий состоял уже упомянутый выше Иван Аксаков, сын писателя-славянофила Степана Тимофеевича Аксакова, с семьей которого Гоголь особенно тесно общается в 1840-е гг. К слову сказать, семейство Аксаковых принадлежало к числу тех особо чтимых Гоголем лиц, которым он прочитал наибольшее количество написанных им глав второго тома. И главное — это было семейство, которому Гоголь в особенности доверял.

Делопроизводство *сop amoge*

Иван Аксаков занимал в том семействе особое место: литературно одаренный и высоко образованный, как и все Аксаковы, он, в отличие отца и своего младшего брата Константина, выбирает не литературный путь, но путь государственного чиновника и начинает свою деятельность в министерстве юстиции. Как вспоминали о нем люди, его знавшие, «это был новый, только еще начавший тогда развиваться тип чиновника-идеалиста, служившего “делу”, а не “лицам”, и требовавший одинаково как от своих коллег, так и от подчиненных, точного исполнения закона» [24, с. 106]. Характерно, что именно такого чиновника-идеалиста, своего рода белую ворону на фоне остального коррумпированного чиновничества, выводит во втором томе Гоголь в самом финале поэмы⁵, и, по всей видимости, в этом идеальном чиновнике угадывался именно Иван Аксаков, сам немало размышлявший о функциях чиновника в России и об уготовленной ему в России судьбе⁶.

А судьба этого «идеального чиновника» представляла весьма драматичной. Отказавшись поставить свою подпись на подложном документе, он не избежал преследования властей, вынужден был оставить службу по министерству юстиции и перешел в министерство внутренних дел, которым управлял в те времена граф Л.А. Перовский. Именно Перовский предлагает в середине 1840-х гг. опальному Аксакову заняться изучением раскола и посылает его в Бессарабию (нынешнюю Молдавию). Тщательно изучив раскол, Аксаков высказывается в его защиту в ряде статей, чем навлекает на себя новое гонение. На вопросы Третьего отделения он отвечает словами, в которых поразительным образом узнается гоголевская интонация («...цель моя на службе ездить по России с поручениями и изучать ее во всех отношениях, не только по одному предмету возлагаемого на меня поручения» [24, с. 108]). Пережив арест и получив освобождение, Иван Аксаков хлопочет о командировке в Малороссию, но получает назначение в Ярославль — и тоже в связи с делом изучения раскола. В марте 1849 г. Иван Аксаков от-

5 Ср.: «В это время вошел молодой чиновник и почтительно остановился с портфелем. Завота, труд выражались на его молодом и еще свежем лице. Видно было, что он недаром служил по особым порученьям. Это был один из числа тех немногих, который занимался делопроизводством *сop amoge*» [14, т. 7, с. 120].

6 См., в частности, статью И. Аксакова «О служебной деятельности в России (письмо к чиновнику)», так и оставшуюся не опубликованной при его жизни [1, с. 70–72].

правляется из Абрамцева в ярославскую командировку, захватив на пути в Москву к Гоголю. С этого времени обращенные к отцу и сестрам письма его полны сведениями о работе комиссии и полученными им впечатлениями о старообрядцах. Очевидно, что многие из этих писем читались и Гоголю, и в присутствии Гоголя. Вспомним, что 1849 г. — начало особо интенсивной работы Гоголя над новой редакцией второго тома. Поразительные встречаются порой совпадения. «Отец... я сохраняю аккуратно твои письма, — пишет Иван Аксаков отцу 29 сентября 1849 г. — Вот так бы надобно было объездить всю Россию (разумеется, не одному человеку) и такого рода описания было бы полезно прочесть нашему Министру... Каково разнообразие нашей беспредельной Руси!» [2]. И Гоголь словно вторит ему в письме от 10–18 июля 1850 г., предположительно обращенном к тому самому графу Л.А. Перовскому, под началом которого служил Иван Аксаков:

Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, — та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России <...>. Книга эта составляла давно предмет моих размышлений. Она зреет вместе с нынешним моим трудом и, может быть, в одно время с ним будет готова» [14, т. 14, с. 280].

Но именно здесь возникает весьма примечательная «интрига», стягивающая в единый узел и гоголевский план духовного просветления и преобразования своих героев в продолжении поэмы, и те географические границы, которые этому воскрешению оказываются предопределены (а именно Сибирь), и, наконец, тему раскольников.

За восемь месяцев работы в Ярославской губернии Иван Аксаков сумел в подробностях обследовать не только положение раскольников, но и экономическое положение края. Об этом свидетельствуют сохранившиеся по сей день его тетради, наполненные статистикой, песнями, преданиями, рисунками. Среди подготовленных им материалов — статья об одном из ответвлений старообрядцев — секте *странников*, или, как их в то время называли, *бегунов*, которую он вскоре публикует под названием «Краткая заметка о странниках и бегунах» [29, стб. 627].

А далее происходит неожиданное: правительство, проигнорировав совершенную И.А. Аксаковым работу, делает конфиденциальный запрос по

поводу написанной и читанной на публике поэмы «Бродяга» (отрывки из нее были напечатаны в «Московском Сборнике» за 1852 г.), и, хотя и не находит в ней ничего предосудительного [2], предлагает оставить ему литературное поприще как «отвлекающее от служебных занятий». Оскорбленный до глубины души Аксаков пишет отповедь министерству и в конце апреля 1851 г. подает и получает отставку.

Между тем, как бы ни относиться к реакции министерства, нельзя не признать, что была у министерства своя сермяжная правда. Поскольку повесть (точнее, поэма), носившая название «Бродяга», в которой ныне видится первый в России опыт народной русской эпопеи, предваряющий в этом смысле «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова [27, с. 31], на этот раз художественными средствами преследовала ту цель, за которую Аксаков уже и прежде подвергался обструкции — а именно защиту интересов раскольников, и, более конкретно, по-видимому, наиболее заинтересовавшей его секты старообрядцев-странников, или бегунов, которых в народе называли еще и бродягами (так что название поэмы на деле было не столь уж и невинным). Достаточно сопоставить ее сюжет, где рассказывается о крестьянине, «отправляющемся бродить вследствие какого-то безотчетного влечения» [27, с. 31], с размышлением Аксакова в статье о бегунах:

Независимо от идеи первоначального своего происхождения, секта странников обратилась в религиозное оправдание бродяжничества и бегства вообще. Бежал ли солдат из полку, крепостной мужик от барщины, молодая баба от мужа — все православные — они находили оправдание своему поступку в учении странническом, которое возводило бродяжничество в догмат, звание беглого в сан [29, стб. 627].

И хотя статья эта опубликована была лишь в 1866 г., однако очень большая доля вероятности, что высказанные в ней соображения обсуждались в кругу Аксаковых в то самое время, когда у них часто гостил Гоголь.

Вся эта немного длинная предыстория важна мне была для того, чтобы показать возможный генезис не просто интереса Гоголя к староверам, который, собственно, очевиден, но и то, что этот интерес был подогрет деятельностью Ивана Аксакова, по-видимому, заставившей Гоголя присмотреться внимательнее также и к секте *бегунов*, о которых сам Гоголь, правда,

конкретно не упоминает, но отголоски доктрины которых, как представляется, и являются во многом ключом для понимания так и не дописанного продолжения «Мертвых душ». Конечно, здесь мы вступаем уже в область некоторой умозрительной реконструкции, но тем важнее контекст, в которой эта реконструкция оказывается возможной.

Бегуны и легенда о Беловодье

Бегуны были одним из беспоповских направлений старообрядчества. Они считали, что невозможно сохранить «истинную церковь», сохраняя отношения с «антихристовым» миром, а потому призывали бежать и скрываться от «антихристовых» властей. В основе этого учения, изложенного основоположниками секты Евфимием и Никитой Киселевым, лежало общее старообрядческое представление, что со времени реформы Никона начался век антихристов. Однако существенное расхождение бегунов с другими старообрядцами заключалось в том, что бегуны, или странники, объявляли воплощением антихриста не только и не столько царя и никонианскую церковь, сколько государственные законы и установления. Был один, исключавший какие бы то ни было компромиссы выход: бежать, уклоняясь от всех гражданских повинностей — видимых знаков власти антихристовой, иными словами, «не имети ни града, ни села, ни дома», перейти к конспиративному существованию, меняя пристанища и не даваясь в руки начальства [37, с. 241–243]. Сам Евфимий обрел себе в пошехонских лесах первых последователей, скрывался затем в лесах галичских, а потом в окрестностях Ярославля, где и умер в 1792 г. По смерти его в роли наставницы выступила его спутница Ирина Фёдорова, которая перешла в село Сопелки на правом берегу Волги, также недалеко от Ярославля. Это село с тех пор стало играть роль столицы бегунства; по его имени и секту стали называть «сопелковской». Именно сопелковское дело расследовал в конце 1840-х гг. Иван Аксаков.

В фольклоре русских крестьян XVII–XVIII вв. существовала красивая легенда о Беловодье, стране с богатыми землями и природой, свободной от гнета бояр и «гонителей веры», где вдали от мира живут святые праведники, где главенствует добродетель и справедливость. Страна эта сначала помещалась на Крайнем Севере, в «северных землях в Поморье, от реки великой Обь до устья Беловодной реки, и эта вода бела как молоко...». Впоследствии представления о местонахождении Беловодья менялись: страну эту искали

в Сибири, на Алтае, в Китае, Монголии, Тибете, наконец, в Японии, с чем связано появление другого ее наименования — «Опоньское царство». Так и не найденная земля блаженного Беловодья смещалась в представлении русских крестьян все дальше в неосвоенные территории.

С середины 1820-х гг. Беловодье становится одной из наиболее обсуждаемых в обществе тем, что связано с сообщением приехавшего в Петербург из Томской губернии поселенина Бобылева, который донес министерству внутренних дел, что «на море», в Беловодье, живут старообрядцы числом до 500 000 человек и дани никому не платят, что они осели на далеких островах Тихого океана, до которых можно было добраться, двигаясь от Бухтармы через Китай. Бобылев сообщил, что старообрядцы не прочь служить русскому царю. Министерство поверило страннику и выдало ему на посольские расходы 150 руб. Однако он не доехал даже до сибирского генерал-губернатора и бесследно исчез [37, с. 239–240].

Упомянутая в официальной переписке легенда о Беловодье не переставала будоражить умы почти до начала XX в. А основными распространителями этой легенды стали, по вполне понятным причинам, члены секты «бегунов», или «странников», которые на протяжении всего XIX в. отправлялись на поиски этого царства Божьего на земле.

Отправлявшиеся на поиски Беловодья бегуны тайно снабжались особым путеводителем — «Путешественником», в котором содержался прямой призыв бежать на «райские острова» и подробная инструкция о том, каким путем следует добираться до Беловодья: Казань, Екатеринбург, Тюмень, Алтайские горы, Уймон. Это были листки в одну-две странички, исписанные крестьянской рукой и восходившие к распространившемуся со второй половины XVIII в. в среде старообрядцев рукописному повествованию инока Марка из Топозерского монастыря Архангельской губернии, который в поисках «древнего благочестия» отправился на Восток. Добрался он до Китая, перешел Гоби и достиг Японии, где искомое благочестие обнаружил пребывающим в несказанном расцвете. А хранителями его он называл христиан «ассирского языка»⁷. Завершался рассказ описанием неземного благополу-

7 Существует также и научное объяснение, почему Беловодье с Севера, Сибири, Алтая, Китая оказалось в конечном счете вытесненным в японское пространство. Речь идет о так называемой несторианской «древней Церкви Востока». Беглые старообрядцы, столкнувшись в Азии с «ассирскими христианами», подхватили их рассказы о миссии в Японии, связав их с известной легендой о Беловодье, превратившейся теперь в опоньское царство [30, с. 181–186].

чия. «В тамошних местах... светского суда не имеют; управляют народы и всех людей духовные власти. Тамо древа равны с высочайшими древами» (ср.: [25, гл. 11]).

И снова «Мертвые души»

Согласимся, что в доктрине именно странников-бегунов было немало того, что в особенности могло привлечь работающего над своими «Мертвыми душами» Гоголя. В мирозерцании и идеологии этого крайне левого ответвления старообрядчества, связанного с распространением ставшей весьма популярной с конца XVIII в. легенды о Беловодье (она же в расширительном толковании — Опоньское царство), была та особенность, которая вообще дает возможность по-иному взглянуть на сам инцидент с покупкой мертвых душ — и тем самым на генезис поэмы.

Казалось бы, в учении бегунов мы имеем дело с одним из проявлений анархического утопизма, отрицающего государство. Но — что для нас очень важно — бегуны связывали наступление царства антихристового даже не столько во времена Никона, сколько с первыми всеобщими ревизиями податных душ, переписью податного населения.

Здесь мы доходим до той точки, где замысел гоголевской поэмы и доктрина бегунов неожиданно смыкаются. Вспомним, что уже в первом томе поэмы Чичиков, скупающий мертвые души и в последних главах разоблаченный, объявлен перепуганным обществом антихристом. Во втором томе слух о народившемся антихристе, скупающем ревизские души, уже непосредственно приписывается раскольникам:

В другой части губернии<и> расшевелились раскольники. Кто-то пропустил между ним<и,> что народился антихрист, который и мертвым не дает покоя, скупая какие* мертвые души. Каялись и грешили, и под видом изловить антихриста укокошили не антихристов [14, т. 7, с. 118].

Но при этом многослойность и многосоставность поэмы позволяют взглянуть на проблему и несколько иначе. Это только по внешнему абрису Чичиков, скупающий мертвые души, — антихрист — роль, которая закрепляется за ним в массовом сознании и порожденной им легенде. А на самом деле Чичиков, скупая мертвые души, именно своим эпатажирующим, анархи-

ческим, глумливым над помещиками актом вскрывает абсурд ревизии как таковой. А закрепленная за ним роль бродяги-пикаро, который при всей своей обходительности нигде подолгу не находит пристанища, делает его дополнительно родственным сектантам-бегунам.

В этой перспективе смыкаются намеченные Гоголем для продолжения поэмы, казалось бы, гетерогенные ее моменты: Чичикова, мечтающего о жене с детишками в надежде создать свой маленький рай на земле — подобно тому как и бегуны-сектанты, в отличие о мистических сект духоборов и молокан, утверждавших царствие божие внутри нас, по-крестьянски жаждали царства Божьего *на земле*, а также путь Чичикова, как и других персонажей его поэмы, в Сибирь — событийно объяснимый теми или иными конкретными обстоятельствами, но бытийно ставший определенным аналогом пути в Беловодье.

В истории с Гоголем, мечтавшим о своем и своих соплеменников духовном перерождении, случилось так, что легенда о Беловодье и стала тем мыслимым «маршрутом», к которому устремился его творческий взор, заставивший его перенести окончание действия «Мертвых душ» в Сибирь. Произошло ли то сознательно или, выражаясь словами Пушкина, по странному сближению витающих в воздухе идей, судить трудно. Да и практически невозможно. Хотя в силу всего вышеизложенного исключить то, что Беловодье как страна, в которой живут по Божескому закону, как *почти* реализованная утопия, была в оптике Гоголя, тоже невозможно, тем более что второй и даже, скорее, третий том «Мертвых душ» и задумывался Гоголем во многом как дань утопическому мышлению [17, с. 338–345].

Для нас же здесь не менее важно и другое: не только для Гоголя, но и для русской литературы в целом Беловодье (Сибирь) становится именно тем местом, с которым связывается возможность духовного преображения и где крестьянская материальная утопия встречается с поиском «древнего благочестия», антиохийского древнего восточного православия, жития согласного с мыслию Христовой (см.: [37, с. 286]). Так, М.Е. Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине» будет писать о ходивших в то время слухах о секте бегунов, которая «преходила от деревни к деревне, взыскав вышнего града». Так и отлучение от церкви Льва Толстого немедленно порождает слух, что он побывал в Беловодье, и делегация уральских казаков немедленно посетит в этой связи Ясную Поляну, хотя и возвратится оттуда разочаро-

ванной (Толстой этот слух не подтвердил). Беловодье описывает, как уже упоминалось выше, и Мельников-Печерский.

В последнее время Сибирь все более привлекает исследователей как пространство разных форм исторического и материального палимпсеста и культурного трансфера. Рискуя впасть в народную этимологию, укажу тем не менее на еще один возможный, на этот раз топонимический трансфер. Маршрут уже упомянутого выше «Путешественника» инока Марка проходил через Бийск, Горноалтайский округ, Бухтарминскую и Уймонскую долины. Далее, однако, начиналась легендарная часть маршрута — неведомыми горными проходами в Китайское государство и после 44 дней пути — в Беловодье. В этой дальнейшей части маршрута географические названия представляли одну загадку за другой: Губань (Гоби?), Буран (Бурат-река?), Кукания и проч. Что касается последнего топонима, то, конечно, можно вспомнить, что, как указывает К.В. Чистов, есть близкие ему модификации: село Кукан Улатавского района или же Куканский хребет [37, с. 260]. Но не вправе ли мы услышать в топониме Кукания также и отголоски европейской страны Кокань (*paus de Cosagne*⁸), аналога русской *страны с молочными реками и кисельными берегами*?

О стране Кокань Жак Ле Гофф говорил как о «единственной средневековой утопии — не только потому, что она получила особое распространение в Средних веках, но еще и потому, что в изображении Кокани отразились важные моменты жизни человека того времени: проживание и питание, религия, хозяйственная и социальная сферы. Тексты об этой стране содержат «радикальную критику феодального общества... и его главных ценностей, на которых оно держится: деньги и работа» [44, р. 276–277]. Так и в тексте старофранцузского «Фаблио про Кокань» герой-рассказчик идет к Папе за покаянием, а тот отправляет его в чудесную благословенную страну — Кокань, в которой «plus on y dort, plus on y gagne» («чем больше спишь, тем больше получаешь» (см.: [38; 39; 40; 45]).

8 Варианты слова «cosagne» можно найти во многих европейских языках, что свидетельствует о распространенности этого понятия: во французском “coquaigne”, “quoquaigne”, “Cosaigne”, в итальянском “Cuscagna”, “Cuscagna”, в испанском “Cusaña”, “Cosaña” и т. д. Характерно, что слово «Кокань» встречается и в названиях реальных топонимов (деревня Коккенген (Kokkengen) в провинции Утрехт в Голландии, где, по легенде, колонисты пытались создать священное государство, местечко Куканья (Cuscagna) на пути из Рима в Лорето, знаменитое своим плодородием и красотой (см.: [31]).

Тезис о сне и ничего неделании, которые становятся основным условием благополучия, неожиданно возвращает нас к гоголевскому персонажу Хлобуеву, прожигающему жизнь:

...почти всегда приходила к нему откуда-нибудь неожиданная помощь. <...> Благоговейно признавал он тогда необъятное милосердие providенья, служил благодарственный молебен и вновь начинал беспутную жизнь свою [14, т. 7, с. 88].

Внутренняя логика этого причудливого персонажа становится, однако, более понятной, если увидеть в ней отсвет той утопической мечты, которая легла в основу легенды о благословенной стране Кокань и которая, по-видимому, эхом отразилась в той Куканьи, что в маршруте «Путешественника» должна была стать этапом на пути обретения Беловодья, оно же — Опоньское царство.

Тема бегунов, бежавших в Сибирь в поисках своего Беловодья, своего рода крестьянского рая на земле, «поддерживает» план духовного просветления и преображения героев в продолжении второго тома «Мертвых душ», известный нам по мемуарной литературе и по высказываниям самого Гоголя. Она же в определенном смысле проливает свет и на те географические границы, которые ему оказываются предопределены, — а именно Сибирь и, возможно, даже более конкретно Алтай (не случайно открывающее второй том описание поместья Тентетникова — «меловые горы, блиставшие белизною даже и в ненастное время, как бы освещало их вечное солнце» [14, т. 7, с. 8] — почти повторяет изображение Алтайских гор в сделанном Гоголе конспекте из Палласа [8, с. 185]⁹), так что в определенном смысле можно сказать, что пристальный интерес в конце 1840-х гг. к Сибири работающего над продолжением «Мертвых душ» Гоголя шел параллельно все усиливающемуся интересу к теме раскольников. А для изображения дра-

9 Ср.: «Сверху Осиновой горы представляется грозный вид снежных Алтайских <гор>, называемых, по причине *вечной белизны*, белками. <...> Видна отголе другая гора фигуры конической, коея верх подобен великой каменной пирамиде, превышающей облака» [14, т. 8, с. 339].

мы человеческой души ему понадобился своеобразный маршрут — от безымянного города N через Тьфуславь и — затем — Алтайские горы, меловая белизна которых отзовется в первой же главе второго тома — в гипотетическое Беловодье, ту самую утопию, которую он сначала хотел претворить в «Выбранных местах из переписки с друзьями», а затем в продолжении своей так и не оконченной, сожженной поэмы и которая оказалась *утопией* в самом исконном значении этого слова — а именно местом, которого *нет*.

Список литературы

- 1 Аксаков И. О служебной деятельности в России (письмо к чиновнику) // Человек. 1993. № 1. С. 70–72.
- 2 Аксаков И.С. Письма к родным. 1849–1856 / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. 653 с.
- 3 Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем / Изд. подгот. Е.П. Населенко и Е.А. Смирнова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 294 с.
- 4 Балакишина Ю.В. Была ли услышана «чистосердечная повесть» Н.В. Гоголя? История распространения «Авторской исповеди» в списках (К постановке проблемы) // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. М.: ИМЛИ, 2009. Вып. 2. С. 160–172.
- 5 Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953–1959.
- 6 Бочаров С.Г. Генетическая память литературы. М.: РГГУ, 2012. 341 с.
- 7 Бухарев А.М. Три письма к Н.В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1860. 260 с.
- 8 Видугирите И. Географическое воображение. Гоголь. Вильнюс: Вильнюсский ун-т, 2015. 294 с.
- 9 Вишленкова Е. Человеческое разнообразие в локальной перспективе: «большие теории» и эмпирические знания (Казань, первая половина XIX века) // Ab imperio. 2009. № 3. С. 245–345.
- 10 Выдержки из старых бумаг Остафьевского Архива. Письма к кн. П.А. Вяземскому // Русский архив. 1866. № 7. Стб. 1081–1082.
- 11 Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н.В. Гоголь / предисл., сост. Л. Аллена. СПб.: Logos, 1994. 343 с.
- 12 Гоголь в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1952. 719 с.
- 13 Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: в 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.
- 14 Гоголь Н.В. Полн. собр. соч: в 14 т. <Б.м.>: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
- 15 [Гоголь Н.В.] Сочинения и письма Н.В. Гоголя: в 4 т. Изд-е П.А. Кулиша. СПб.: В тип. Императорской академии наук, 1857.
- 16 [Гоголь Н.В.] Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.В. Гоголя. Том второй. (5 глав). М.: В Университетской Тип., 1855. 304 с.
- 17 Дмитриева Е. Продолжение «Мертвых душ»: специфика национальной утопии // Острова любви БорФеда: Сборник к 90-летию Бориса Федоровича Егорова / ИРЛИ РАН; СПбИИ РАН; Союз писателей Санкт-Петербурга; ред.-сост. А.П. Дмитриев и П.С. Глушаков. СПб.: Росток, 2016. С. 338–345.
- 18 Дмитриева Е.Е. «Мне нужно побольше прочесть о Сибири»: русский Запад versus российский Восток в мифопоэтике Гоголя // Диалог культур: поэтика локального

- текста. Материалы IV Международной научной конференции / под ред. П.В. Алексеева. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский ун-т, 2014. С. 134–144.
- 19 *Дурылин С.Н.* «Дело» об имуществе Гоголя // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования: в 2 т. / под ред. В.В. Гиппиуса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 1. С. 359–374.
- 20 *Зеньковский В. Н.В.* Гоголь // *Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н.В.* Гоголь. СПб.: Логос, 1994. С. 189–338.
- 21 *Манн Ю.* В поисках живой души: «Мертвые души». Писатель-критика-читатель. 2-е изд., испр. и доп. М.: Книга, 1987. 350 с.
- 22 *Манн Ю.В.* Зачем сожжен второй том «Мертвых душ»... // Известия Российской академии наук. Сер. Лит. и яз. М., 2009. Т. 68, № 2. С. 42–47.
- 23 *Манн Ю.В.* Гоголь. Книга третья: Завершение пути. 1845–1852. М.: РГГУ, 2013. 496 с.
- 24 Материалы по истории русской литературы и культуры. И.С. Аксаков в Ярославле. По неизданным письмам к нему С.Т. Аксакова и его семьи. Сообщил А.А. Дунин // Русская мысль. 1915. № 8. С. 89–131.
- 25 *Мельников П.И. (Андрей Печерский).* В лесах. М.: Эксмо, 1998. 942 с.
- 26 *Образцов Ф., протоиерей.* О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора (14 апреля 1857 г.) по моим воспоминаниям // Тверские Епархиальные ведомости. 1902. № 5, 1 марта. С. 128–147.
- 27 *Основат А.Л.* И.С. Аксаков // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 29–32.
- 28 *Паламарчук П.Г.* Список уцелевших от сожжения рукописей Гоголя // Гоголь. История и современность. М.: Советская Россия, 1985. С. 484–493.
- 29 Русский архив. 1866. № 4. Стб. 627.
- 30 *Селезнев Н.* Старообрядцы XVIII в. и «асирские христиане» Японии // Волшебная Гора: Традиция, религия, культура. М.: Волшебная гора, 2006. Вып. XII. С. 181–186.
- 31 *Силантьева О.Ю.* Страна Кокань и Шлараффия во французской и немецкой литературе XVIII–XIX вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 297 с.
- 32 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С.В. Житомирская. М.: Наука, 1989. 789 с.
- 33 *Строев А.Ф.* Мифы о Сибири в эпоху Просвещения // Сибирско-французский диалог XVII–XX веков и литературное освоение Сибири. Материалы международного научного семинара / под ред. Е.Е. Дмитриевой, О.Б. Лебедевой, А.Ф. Строева. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 33–48.
- 34 *Хетсо Г.* Что случилось со вторым томом Мертвых душ? // Scando-Slavica. 1989. Т. 35. Р. 137–138.
- 35 *Хетсо Г.* Что случилось со вторым томом Мертвых душ? // Вопросы литературы. 1990. № 7. С. 128–139.

- 36 *Чижевский Д.И.* Неизвестный Гоголь // *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. М.: Русское зарубежье, Русский путь, 2007. Т. 3. С. 734–765.
- 37 *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 342 с.
- 38 *Benz E.* Das Recht auf Faulheit, oder die Friedliche Beendigung des Klassenkampfes // Lafargue-Studien. Stuttgart: Editions Alpha, 1974. P. 91–108.
- 39 *Burat de Gurgy H.* Voyage au pays de Cocagne. Paris: J. Vermot, 1863. 116 p.
- 40 *Hervilly E. d'.* A Cocagne! Aventures de MM. Gabriel et Fricontin. Paris: A. Lemerre, 1898. 358 p.
- 41 *Kjetsaa G.* Soviet Views on Gogol Today // Literature, culture and society in the modern age: In honor of Joseph Frank. Stanford, 1992. Part II. (Stanford Slavic Studies. Vol. 4:2). P. 455–458.
- 42 *Kluge R.-D.* Sollte Čiçikov nach Sibirien verbannt werden? Mutmassungen über Fortsetzung und Schluss von N.V. Gogol`s "Toten Seelen" // Tübinger geographische Studien. Festschrift für Adolf Karger. 1989. Heft 1. S. 447–451.
- 43 *Le Goff J.* L'utopie médiévale: le pays de cocagne // Revue européenne des sciences sociales. T. 27. N 85. Genève, 1989. P. 276–277.
- 44 *Maguire R. A.* Exploring Gogol. Stanford: Stanford U.P., 1994. 341 p.
- 45 *Müller M.* Das Schlaraffenland. Der Traum von Faulheit und Müßiggang. Wien: Edition Brandstätter, 1984. 186 p.
- 46 *Schreier H.* Gogol`s religiöses Weltbild und sein literarisches Werk. Zur Antagonie zwischen Kunst und Tendenz. München: Sagner, 1977. 123 p.

References

- 1 Aksakov I. O sluzhebnoy deyatel'nosti v Rossii (pis'mo k chinovniku) [On official activity in Russia (letter to the official)]. *Chelovek*, 1993, no 1, pp. 70–72. (In Russ.)
- 2 Aksakov I.S. *Pis'ma k rodnym. 1849–1856* / Izd. podgot. T.F. Pirozhkova [Letters to relatives. 1849–1856 / T. Pirozhkova (ed.)]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 653 p. (In Russ.)
- 3 Aksakov S.T. *Istoriya moyego znakovstva s Gogolem* / Izd. podgot. Ye.P. Naselenko i Ye. A. Smirnova [History of my acquaintance with Gogol / E.P. Naselenko and E. A. Smirnova (ed.)]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1960. 294 p. (In Russ.)
- 4 Balakshina Yu.V. Byla li uslyshana “chistoserdechnaya povest’” N.V. Gogolya? Istoriya rasprostraneniya “Avtorskoy ispovedi” v spiskakh (K postanovke problemy) [Was the “upright story” of N.V. Gogol heard? The history of the circulation of *The Author's Confession* in the lists (Stating the problem)]. *N.V. Gogol. Materialy i issledovaniya* [N.V. Gogol: Materials and research]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009, issue 2, pp. 160–172. (In Russ.)
- 5 Belinskiy V.G. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.] Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1953–1959. (In Russ.)
- 6 Bocharov S.G. *Geneticheskaya pamyat' literatury* [Genetic memory of literature]. Moscow, RGGU Publ., 2012. 341 p. (In Russ.)
- 7 Bukharev A.M. *Tri pis'ma k N.V. Gogolyu, pisannyye v 1848 godu* [Three letters to N. Gogol, written in 1848]. St. Petersburg, Tip. Morskogo ministerstva Publ., 1860. 260 p. (In Russ.)
- 8 Vidugirite I. *Geograficheskoye voobrazheniye. Gogol'* [Geographic imagination. Gogol]. Vil'nyus, Vil'nyusskij un-t Publ., 2015. 294 p. (In Russ.)
- 9 Vishlenkova Ye. Chelovecheskoye raznoobrazie v lokal'noy perspektive: “bol'shiye teorii” i empiricheskiye znaniya (Kazan', pervaya polovina XIX veka) [Human diversity in the local perspective: “big theories” and empirical knowledge (Kazan, first half of the 19th century)]. *Ab imperio*, 2009, no 3, pp. 245–345. (In Russ.)
- 10 Vyderzhki iz starykh bumag Ostaf'yevskogo Arkhiva. Pis'ma k kn. P.A. Vyazemskomu [Excerpts from the old papers of the Ostafyev Archive. Letters to Prince P.A. Viazemsky]. *Russkiy arkhiv*, 1866, no 7, pp. 1081–1082. (In Russ.)
- 11 Gippius V. *Gogol* [Gogol]; Zenkovsky V. *N.V. Gogol* [Gogol] (preface., comp. L. Allen). St. Petersburg, Logos Publ., 1994. 343 p. (In Russ.)
- 12 *Gogol' v vospominaniyakh sovremennikov* [Gogol in the memoir of his contemporaries]. Moscow, GIKHL Publ., 1952. 719 p. (In Russ.)
- 13 *Gogol' v vospominaniyakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov: v 3 t.* [Gogol in the memoir, diaries, and correspondence of his contemporaries: in 3 vols.] Moscow, IMLI RAN Publ., 2011–2013. (In Russ.)

- 14 Gogol' N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols.]. <B.m.>: Izd-vo AN SSSR Publ., 1937–1952. (In Russ.)
- 15 [Gogol' N.V.] *Sochineniya i pis'ma N.V. Gogolya: v 4 t.* Izdaniye P.A. Kulisha [Works and letters of N.V. Gogol: in 4 vols. Ed. P. Kulish]. St. Petersburg, V Tipografii Imperatorskoy akademii nauk Publ., 1857. (In Russ.)
- 16 [Gogol' N.V.] *Sochineniya Nikolaya Vasil'yevicha Gogolya, naydennyye posle yego smerti. Pokhozhdeniya Chichikova, ili Mertvyye dushi. Poema N.V. Gogolya. Tom vtoroy. (5 glav)* [Works by Nikolay Vasilyevich Gogol found after his death. Chichikov's Adventures, or Dead Souls. Poem N.V. Gogol. Volume two. (5 chapters)]. Moscow, V Universitetskoy Tipografii Publ., 1855. 304 p. (In Russ.)
- 17 Dmitriyeva Ye. Prodolzheniye "Mertvykh dush": spetsifika natsional'noy utopii [A Sequel to "Dead Souls": Specificity of the National Utopia]. *Ostrova lyubvi BorFed: Sbornik k 90-letiyu Borisa Fedorovicha Yegorova* [Isles of Love BorFed: In honor of the 90th anniversary of Boris Yegorov], ed. A.P. Dmitriev and P.S Glushakov]. St. Peterburg, Rostok Publ., 2016, pp. 338–345. (In Russ.)
- 18 Dmitriyeva Ye.Ye. "Mne nuzhno pobol'she prochest' o Sibiri": russkiy Zapad versus rossiyskiy Vostok v mifopoetike Gogolya ["I need to read more about Siberia": Russian West versus Russian East in Gogol's mythopoetics]. *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta. Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Dialogue of cultures: Poetics of the local text. Proceedings of the 4th International scholarly conference], ed P.V. Alekseev. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskiy Universitet, 2014, pp. 134–144. (In Russ.)
- 19 Durylin S. N. "Delo" ob imushchestve Gogolya ["The Case" of Gogol's Property]. *N.V. Gogol'. Materialy i issledovaniya: v 2 t.* [N.V. Gogol. Materials and research: in 2 vols.], ed. V. V. Gippius. Moscow, Leningrad, Izd. AN SSSR Publ., 1936, vol. 1, pp. 359–374. (In Russ.)
- 20 Zen'kovskiy V. N.V. Gogol' [N.V. Gogol]. Gippius V. *Gogol'*; Zen'kovskiy V. *N.V. Gogol'* [Gippius V. *Gogol'*; Zenkovsky V. *N.V. Gogol'*]. St. Petersburg, Logos Publ., 1994, pp. 189–338. (In Russ.)
- 21 Mann Yu. *V poiskakh zhivoy dushi: "Mertvyye dushi". Pisatel'-kritika-chitatel'* [In search of a living soul: "Dead Souls." Writer-critic-reader]. 2nd ed. Moscow, Kniga Publ., 1987. 350 p. (In Russ.)
- 22 Mann Yu.V. Pochemu sgorel vtoroy tom "Mertvyye dushi" [Why was the second volume of *Dead souls* burned]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk, ser. lit. i yaz.* Moscow, 2009, vol. 68, no 2, pp. 42–47. (In Russ.)
- 23 Mann Yu.V. *Gogol. Kniga tretja: Zavershenie puti. 1845–1852* [Gogol. The third book: The end of the road. 1845–1852]. Moscow, RGGU Publ., 2013. 496 p. (In Russ.)
- 24 Materialy po istorii russkoy literatury i kul'tury. I.S. Aksakov v Yaroslavle. Po neizdannym pis'mam k nemu S.T. Aksakova i yego sem'i. Soobshchil A.A. Dunin [Materials on the history of Russian literature and culture. I.S. Aksakov in Yaroslavl.

- Unpublished letters to him by S.T. Aksakov and his family. Reported by A.A. Dunin]. *Russkaya mysl'*, 1915, no 8, pp. 89–131. (In Russ.)
- 25 Melnikov P.I. (Andrey Pechersky). *V lesakh* [In the woods]. Moscow, Eksmo Publ., 1998. 942 p. (In Russ.)
- 26 Obratstov F., protoiyerey. O. Matfey Konstantinovskiy, protoiyerey Rzhvskogo sobora (14 aprelya 1857 g.) po moim vospominaniyam [Matthew Konstantinovsky, Archpriest of the Rzhev Cathedral (April 14, 1857), according to my memories]. *Tverskiye Yeparkhial'nyye vedomosti*, 1902, no 5, The 1st of March, pp. 128–147. (In Russ.)
- 27 Ospovat A.L. I.S. Aksakov [I.S. Aksakov]. *Russkiye pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Moscow, Izd. Sovetskaja encyklopedija Publ., 1989, vol. 1, pp. 29–32. (In Russ.)
- 28 Palamarchuk P.G. Spisok utselevshikh ot sozhzheniya rukopisey Gogolya [List of Gogol's manuscripts that survived from burning]. *Gogol'. Istoriya i sovremennost'* [Gogol. History and modernity]. Moscow, Sovetskaja Rossiya Publ., 1985, pp. 484–493. (In Russ.)
- 29 *Russkiy arkhiv*, 1866, no 4, column 627. (In Russ.)
- 30 Seleznev N. Staroobyadtsy XVIII v. i "asirskiy khristiane" Yaponii [Old Believers of the 18th century and "Asir Christians" of Japan]. *Volshebnaya Gora: Traditsiya, religiya, kul'tura* [Magic Mountain: Tradition, religion, culture]. Moscow, Volshebnaya gora Publ., 2006, issue 12, pp. 181–186. (In Russ.)
- 31 Silant'yeva O. *Strana Kokan' i Shlaraffiya vo frantsuzskoy i nemetskoj literaturakh XVIII–XIX vv.*: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk [Country Kokany and Shlarafia in French and German Literatures of the 18th–19th centuries... PhD thesis]. Moscow, 2006. 297 p. (In Russ.)
- 32 Smirnova-Rosset A.O. *Dnevnik. Vospominaniya* / Izd. podgot. S.V. Zhitomirskaya [Journal. Memoir. Ed. S.V. Zhitomirskaya]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 789 p. (In Russ.)
- 33 Stroev A.F. Mify o Sibiri v epokhu Prosveshcheniya [Myths about Siberia in the Enlightenment]. *Sibirsko-frantsuzskiy dialog XVII–XX vekov i literaturnoye osvoyeniye Sibiri. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara* [Siberian-French Dialogue of the 18th–20th centuries and the literary development of Siberia. Proceedings of the international workshop], eds. E.E. Dmitrieva, O.B. Lebedeva, A.F. Stroev. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, pp. 33–48. (In Russ.)
- 34 Khetso G. Chto sluchilos' so vtorym tomom Mertvykh dush? [What happened to the second volume of *Dead souls*?] *Scando-Slavica*, 1989, vol. 35, pp. 137–138. (In Russ.)
- 35 Khetso G. Chto sluchilos' so vtorym tomom Mertvykh dush? [What happened to the second volume of *Dead souls*]. *Voprosy literatury*, 1990, no 7, pp. 128–139. (In Russ.)
- 36 Chizhevskiy D.I. Neizvestnyi Gogol' [Unknown Gogol]. Chizhevskiy D.I. *Izbrannoye: v 3 t.* [Selected works: in 3 vols.]. Moscow, Russkoye zarubezh'ye, Russkiy put' Publ., 2007, vol. 3, pp. 734–765. (In Russ.)

- 37 Chistov K.V. *Russkiye narodnyye sotsial'no-utopicheskiye legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk socio-utopian legends of the 17th–19th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 342 p. (In Russ.)
- 38 Benz E. Das Recht auf Faulheit, oder die Friedliche Beendigung des Klassenkampfes. *Lafargue-Studien*. Stuttgart, Editions Alpha, 1974, pp. 91–108. (In German)
- 39 Burat de Gurgy H. *Voyage au pays de Cocagne*. Paris, J. Vermot, 1863. 116 p. (In French)
- 40 Hervilly E. d'. *A Cocagne! Aventures de MM. Gabriel et Fricontin*. Paris, A. Lemerre, 1898. 358 p. (In French)
- 41 Kjetsaa G. Soviet Views on Gogol Today *Literature, culture and society in the modern age: In honor of Joseph Frank*. Stanford, 1992. Part II (Stanford Slavic Studies. Vol. 4:2), pp. 455–458. (In English)
- 42 Kluge R.-D. Sollte Čičikov nach Sibirien verbannt werden? Mutmassungen über Fortsetzung und Schluss von N.V. Gogol's "Toten Seelen". *Tübinger geographische Studien. Festschrift für Adolf Karger*. 1989. Heft 1. S. 447–451. (In German)
- 43 Le Goff J. L'utopie médiévale: le pays de cocagne. *Révue européenne des sciences sociales*, t. 27, N 85. Genève, 1989, pp. 276–277. (In French)
- 44 Maguire R.A. *Exploring Gogol*. Stanford, Stanford U.P., 1994. 341 p. (In English)
- 45 Müller M. *Das Schlaraffenland. Der Traum von Faulheit und Müßiggang*. Wien, Edition Brandstätter, 1984. 186 p. (In German)
- 46 Schreier H. *Gogol's religiöses Weltbild und sein literarisches Werk. Zur Antagonie zwischen Kunst und Tendenz*. München, Sagner, 1977. 123 p. (In German)